

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т98

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Алена Геласимова*

Тюжин А.

Т98 Канны для ванны. Роман. — М.: ИД «Городец», 2020. — 288 с. (Серия «Ковчег».)

Апокалипсис? Сказки. Даже если дата назначена, все равно не случится. Подумаешь, предсказание. Так считают многие. А вот если твой день рождения совпадает с днем конца света, уже как минимум неприятно. Согласны? Вот и начинаешь размышлять о смысле жизни. Успел ли ты сделать что-то великое, хотя бы просто достойное? Разумеется, нет. Вакцину от рака не изобрел, олимпийское золото не получил, экспедицию на Марс не организовал, и таких «не» наберется целая куча. А тут еще и полка пустует, а на ней могла бы красоваться «Пальмовая ветвь» Каннского кинофестиваля.

Решено. Снимаем фильм. Команда собрана, сценария не будет — прогрессивные режиссеры полагаются на вдохновение. Герой найден, дело за малым. Но что-то, как говорится, пошло не так. Вполне безобидные съемки красивой истории любви превратились в настоящее приключение с неожиданным финалом. Каким?

Не ждите спойлеров. Их не будет!

ISBN 978-5-907085-76-3

© А. Тюжин, 2020
© ИД «Городец», 2020

Елене Манн

У меня была мечта. И никакая сила на свете не заставила бы оторвать зад от мягкого кресла и начать путь к ее осуществлению. Я же русский человек, это на западе Штольцы по земле разгуливают, а у нас работать никто не любит, у нас — беспросветная обломовщина. И потом, мечта, она на то и мечта, чтобы, как звезда с небес, на лапу тебе свалиться с криками: «Вот она я, счастье твое ненаглядное».

Сами понимаете, что я только на чудо и рассчитывал. У нас и сказки такие: лежи себе тридцать три года на печи, а потом раз — и ты богатырь, да такой, что человек-паук или бэтмен с тобой и рядом не валялись; или сходи один раз за водой — и все: можешь потом с печки не слезать, будет она тебя развозить, куда скажешь, почище любого такси, и никакие навигаторы ей не нужны; или стрелой попади куда-нибудь лягушке, а она тебе и ковер соткет, и ужин приготовит, и даже в красавицу писаную превратится, прелестней Джולי да Пенелопы Круз, а ты, опять же, лежи себе да только команды раздавай. И так во всем.

С другой стороны, любой труд не остается незамеченным. Будешь пахать с утра до ночи, что-нибудь да получишь. А если совсем поднажать, то в нагрузку к грыже можно и мечту получить. Такую на блюдечке с голубой каемочкой, как у Ильфа с Петровым. Здорово, да? Только это не мечта уже будет, а цель. Все, чего ты можешь добиться самостоятельно, это цель. А мечта куда

значительнее и недоступней. Мечта — это вообще самое важное, что есть в нашей жизни. Потому как цели у нас похожи, а мечты — разные. И вместе с характером они и определяют нашу индивидуальность.

Вот я умный! Прямо второй на планете, сразу после Эйнштейна. Сам удивляюсь, откуда что берется. Главное, прочел всего книг десять, не больше. Просто чтение — это скука смертная. Все слова, слова, сплошные описания — даже зевать хочется, как вспомню. Вот кино — это дело иное. С хорошим кинчем мало что сравнится.

А мечта моя как раз с кино связана. Есть у меня на полке место свободное. Книги я сжег. Помните, Сорокина сжигали? «Голубое сало» или что-то в этом роде. Сорокина у меня, разумеется, не было, а вот желания избавиться от пыльных и дряблых собранных сочинений Пушкина с Гоголем и Толстым в придачу — хоть отбавляй. Вот вы не спалили ваших «Пушкиных», они у вас место до сих пор занимают. Или скажете, что чуть ли не каждый вечер включаете лампу со здоровенным абажуром, садитесь в кресло-качалку, укрываетесь клетчатым пледом (будто бывают другие пледы?) и воодушевленно перечитываете «Евгения Онегина», «Руслана и Людмилу», «Капитанскую дочку» и что там у него еще? Если именно так и происходит, то можете мне двигаться. Со всей мощи так, по-мужски. Но есть у меня подозрения, что я все-таки прав.

Инквизировав книги, я получил массу удовольствия и плюсов. Во-первых, избавился от невообразимой скуки, во-вторых, я осуществил то, что так давно задумывал, и в-третьих, освободил место на полке. И как только это произошло, у меня появилась мечта. Голубая такая, не в том плане, что стать геем, а в том, что заветная. Очень странно это, какому нормальному человеку пришлось в голову обозвать самое лучшее, что может быть на земле, голубым? Он, наверное, сам был геем до мозга костей, вот и додумался. Но суть не в этом. Я вдруг захотел, чтобы место это

было занято чем-то особенным. Не какой-нибудь задрипанной безделушкой или коллекцией фарфоровых обезьянок, а чем-то таким, что не стыдно выставить напоказ. Например, пальмовой ветвью. Такие в Каннах выдают на кинофестивале. Просто подумал: «А неплохо, пожалуй, “Пальмовая ветвь” будет смотреться на этой свободной полке», и — пожалуйста, у меня появилась мечта.

Потом я еще подумал: «А “Оскар” будет хорошо смотреться на этой полке?» И сам же себе ответил: «Нет, “Оскар” не будет смотреться так же хорошо, как будет смотреться “Пальмовая ветвь” на этой свободной полке». «Оскар» больше похож на безделушку, так себе дизайнер, если честно. И потом, банально до невозможного мечтать об «Оскаре», любой массовщик так и видит себя на церемонии вручения с золотой статуэткой в обнимку. Потом я подумал про «Медведя» Берлинского кинофестиваля, но тут же отменил эту плохую мысль. Нет, нет, я не расист, но немцев, уж извините, не выношу. И пусть дед мой не умер во Второй мировой (он даже не воевал), ненависть к фашистам моя необъятна. Дело чести, если хотите. Так что даже не смейте портить мне мечту вашими медведями. И я снова поглядел на полку и в третий раз отметил, что «Пальмовая ветвь» будет смотреться на этой свободной полке великолепно.

А вот теперь объясню, почему это не казалось мне целью. Кино я любил, можно даже сказать обожал. Но к его производству я не имел ни малейшего отношения. Чтобы получить кинопремию, нужно снять фильм, а я ничего, кроме грязных носков и денег с карточки, никогда не снимал. Так что можно было спокойно лечь на диван и ждать, что по воле случая рано или поздно прекрасная «Пальмовая ветвь» появится на моей столь же прекрасной свободной полке.

Вот я и лежал, поплевывал в потолок и смотрел «Однажды в Ирландии» Макдонаха-старшего. Фильм мне нравился, а вот перевод был плохой. Что поделать, никто не виноват, что меня угораздило родиться в России, а не в Ирландии или хотя бы в

Англии. Родился в стране шапок-ушанок и балалаек — получай плохие переводы. Фильм закончился, я выключил ноутбук, глотнул пива, и вдруг меня осенило. Две тысячи двенадцатый год, вот та сила, которая заставит меня из Обломова переквалифицироваться в Штольцы. Вот вы сейчас ухмыляетесь, мол, вруны эти майя, никакого конца света не будет. А у меня, между прочим, день рождения 21 декабря, мне, знаете ли, как-то не до шуток. Как вы представляете себе такую картину?

— Петенька, а что тебе подарили на день рождения?

— Мне приставку сони-плейстейшен!

— А тебе, Мишенька, что?

— Мне машинку.

— А тебе, Катюша?

— Мне парень подарил незабываемый секс.

— А тебе, Сашенька, что подарили?

— А мне подарили конец света, мать его!

Так, что ли? Не очень это вязалось с моими планами прожить сто шестнадцать лет, купить дом на побережье и научиться бросать фрисби на сто с лишним метров.

Но, главное, это значило, что кранты моей мечте. То есть я уже, можно сказать, совсем не человек, раз даже мечты у меня больше нет. Не нравилось мне это. И тогда я взял телефон и позвонил Новикову. Новиков — это мой друг, если вдруг вы не поняли.

Саня, как всегда, долго не брал трубку. Видимо, спал или делал вид, что спит, чтобы родичи его не припрягли чистить картошку. У них какой-то фетиш — чистить картошку. Соберутся все вчетвером и давай начищать, кто быстрее. Вроде не белорусы, а картошку любят. Наконец длинные гудки сменил заспанный голос Новикова.

— Алло.

— Ну ты, притворщик-самоучка, хорош подушку мять.

Он почему-то обиделся.

— Да я с ночной.

Новиков работал охранником в супермаркете. Тот, кто нанял Саню на работу, либо ущербный, либо у него шикарное чувство юмора. Из Новикова охранник как из меня Том Круз. Наверное, Павел Воля в три раза толще моего товарища. Но Саня решил качаться, купил себе штангу и гантели. Только наличие штанги никоим образом не значит, что он о ней вспоминает, берет и качается. Она пылится под его кроватью вместе со многими вещами, которыми Саня когда-либо решал заниматься.

Когда мне бывает грустно, я хожу в супермаркет, смотрю, как он старательно выполняет свои обязанности; как ходит по пятам за покупателями, делает суровое выражение лица, выглядывает из-за углов с целью словить подозрительного посетителя, который три раза обошел полку с консервированным горошком, но так ничего и не взял; и у меня сразу поднимается настроение. Однажды Новиков поймал-таки одну несчастную старушку, которая пыталась утащить коробку нарезного сыра, и потом с гордостью всем рассказывал. Есть чем гордиться, если учесть, что ежемесячно из их магазина выносят товаров на тридцать пять штук. Я сам лично стащил банку тушенки. Но Сане об этом лучше не знать, поскольку это был эксперимент, и как раз в его дежурство.

Словом, товарищ обиделся на меня и сердито дышал в трубку.

— Это не отмаз. В совке все на заводе вкалывали, потом учились, а ночью в клубы на танцы ходили, и никто днем не дрых.

— Санчас, перезвони потом, — беспомощно вздохнул Новиков.

— Нет, нет, Новиков. Я не могу потом. Мне сейчас надо, — запротестовал я. — Потом может быть поздно.

— Вот блин! — снова вздохнул товарищ. — Ладно, подожди минутку, пойду умоюсь, а то спать нереально хочется. — И в трубке стало тихо.

Санина минутка длится минимум пять. Зная это, я сам пошел в ванную и решил освежить голову. Как-то не по себе мне стало от мысли о конце света. Холодная вода быстро привела меня в чувство. Через минутку и Новиков вернулся к трубке.

- Ну, что там у тебя? — буркнул он.
- Что ты думаешь о календаре мая?
- Фигня все это. Никакого конца света не будет!
- Ну вот и ты тоже.
- Что я тоже? — не понял Новиков.
- Тебе хорошо, у тебя день рождения в июле. А у меня 21 декабря!
- Да хоть третьего октября! При чем тут день рождения?
- Да при том, что, будь у тебя дняха 21-го декабря, ты бы тоже сейчас напрягся.
- Хм, — только и ответил он.
- Понял, да? — не унимался я. — Я прямо чувствую, как вселенная хочет мне сподлгнуть. Рассчитываешь на вечеринку? А фиг тебе, вот тебе потоп, или землетрясение, или пожар, или метеорит, или еще что. Веселись на здоровье!
- Да ладно тебе грузиться.
- Хорошо тебе, июльскому.
- Говорю же, не будет ничего такого!
- Зуб даешь?
- Он подумал немного.
- Нет. Не даю.
- Вот видишь! Тебе зуба жалко. А что мне тогда делать?
- Да ничего не делай! То же, что и все.
- Вот! Вот! — вскрикнул я.
- Что вот?
- Вот тема!
- Че-то я не въезжаю, — пожаловался Новиков.
- Помнишь про мою полку?
- Опять про «Оскар», что ли?
- Про Канны. Дело не в этом. Я вдруг понял, что если миру как-то, то нельзя вот просто так сидеть и говорить: «Да-а-а, миру трындец» — или так же спокойно отвечать: «Да нет, какой трындец? Никакого трындеца нет». Нужно что-то делать!

— И что ты хочешь делать?

— Я сниму фильм. Фильм про это все. Про людей, которые живут и гадают, последний это их год или нет.

— А если последний, то на фига им твой фильм? Кто его смотреть будет?

— Как кто? Я отправлю его в Канны. Мне дадут премию. Пусть я подохну, но лучше, если это произойдет с «Пальмовой ветвью» на моей полке, чем с мыслью: «На этой полке могла стоять “Пальмовая ветвь” и смотрелась бы великолепно».

— Ты придурок.

— А я хотел взять тебя в помрежи.

— Хм.

Видимо, должность помрежа его привлекла.

— Ладно, давай до вечера отложим. Меня вырубает. Как проснушь, я звякну.

— Слабак! — сказал я и повесил трубку.

Интернет — это, конечно, болото. И я не особо люблю в нем лазить, потому что там тоже нужно до фига читать, но, с другой стороны, без него хрен обойдешься. Особенно, если ты такой неудачник, как я. Все фрилансеры — неудачники. А я, к великому моему сожалению, фрилансер. Это вообще жуть. Угораздило меня родиться в России и стать фрилансером. Как еще можно назвать людей, которые получают по 5 рублей за отзыв, по 30–40 за статью и столько же за полчаса тыкания на кнопки, отвечая на тупейшие вопросы: «Пьете ли вы квас зимой? Готовы ли вы покупать сигареты по такой цене или вы считаете ее заниженной? На какой иномарке вы ездите?» Если бы я ездил на иномарке, с какого перепуга я стал бы просиживать часами перед монитором за ваши жалкие сорок рублей? Что-то я с трудом представляю Романа Абрамовича, участвующего в вашем соцопросе. К счастью, у меня немного иной профиль работы. Я вроде как дизайнер. Вроде как, потому что ни черта этому не учился. Просто с детства неплохо рисую, вот и подрабатываю: кому иллюстрации

замучу, кому логотип накорябаю, кому дизайн обложки зафигачу. На Гоа, конечно, с моими гонорами не слетаешь, но в целом крутиться можно. Если перевести на язык соцопроса, отношусь к категории: «денег хватает на еду и мелкие расходы, но я не могу позволить себе покупку новой бытовой техники». Но так мало кто пишет. Потому что в следующий раз тебе вообще ничего не пришлют, а это значит — все, конец, ты же не сможешь прожить без их спасительных сорока рублей за 15–20 минут твоего драгоценного времени.

Мне нужно было придумать логотип для какой-то строительной фирмы, но я, как всегда, не торопился браться за карандаш. Это самое величайшее преимущество работы на дому. Будь я в офисе, с меня бы три шкуры драли. А тут никто не видит. Беру заказ со сроком в три дня, за полчаса его выполняю, а потом делаю что хочу, затем прошу пару дополнительных часов, мол, невероятно сложно, я голову себе сломал, и что-то в этом духе. И верят. Станиславский бы не поверил. А тут как миленькие. А в офисе не прокатит. Теперь сами видите, что интернет хоть и вселенское зло, но и пользу немалую приносит. Я уж не говорю о видео, которого там просто завалиться. Вот я и залез в поисковик, набрал там «2012 конец света» и стал изучать этот вопрос более досконально.

Через час у меня опухла голова. Многие, такие как Новиков, утверждали, что можно расслабиться и жить в свое удовольствие, потому что все предсказания, календари и прочее — чушь несусветная. Если и будет глобальная катастрофа, то явно не в ближайшие пару тысяч лет, а это значит, что, во-первых, нас к тому времени не будет, а во-вторых, наши потомки будут уже всю гонять по галактике, как в «Звездных войнах» или «Пятом элементе». Это, можно сказать, неисправимые оптимисты. Люди же более склонные к меланхолии и ученые-реалисты не отрицают того, что в любой момент может произойти сдвиг земной коры или растают все снега Арктики, и тогда миру придется ой как несладко. Надеюсь, вы понимаете, что выражение «ой как несладко» является самым

мягким из того, что на самом деле нас ожидает. К тому же эти самые ученые говорят о том, что уже сейчас все чаще и чаще случаются наводнения, землетрясения, извержения, это все неспроста, и только откровенный полудурок может это отрицать.

Вот же угораздило родиться в России, стать фрилансером и жить в возможно последнюю эпоху планеты Земля. Я твердо решил, что фильму быть. И в следующую секунду зазвонил телефон.

— Новиков?

— Папа Римский, — ответили на том конце провода.

— Корсаков? — зачем-то спросил я.

— Водку, что ли, глушишь?

— Нет. Пиво.

Я понял, что голос звонившего мне незнаком.

— А вы кто?

— Новиков. А Костю можно?

— Тут нет никакого Кости.

— Извините, ошибся, — сказал голос, и в трубке запели короткие гудки.

Не знал, что фамилия Новиков такая популярная. Хотя чего удивляться, это же не Бюль-Бюль Оглы. И потом у Новикова же есть родственники. Это мог быть один из них. Или даже так: возможно, когда-то давно прародитель Новиковых был настолько плодовитый, что наплодил целую армию всевозможных маленьких кричащих и писающих Новиковых. Прямо бык-осеменитель. Но главное, что теперь все Новиковы — родственники, в отличие от Ивановых, Сидоровых, Павловых и прочих, имеющих целый мешок однофамильцев.

Короче говоря, я не знал, чем себя занять. Вот мой мозг и воспалился и начал выдавать эти дурацкие мысли на тему Новиковых. Нашел о чем думать, тут конец света, а он...

Кстати, почему конец света? Он что, самый главный у нас? Солнцу-то ничего не будет, значит, и свету ничего не грозит. Грозит планете нашей. Значит, конец Земли. А если потоп? Планета

выживет. А люди нет. Значит, конец людей! Но, может, кто-то и выживет. Ной же умудрился пережить потоп, так еще и тварь всю животную уберег. Так конец чего будет? Гламура? Филиппа Киркорова, Путина? Черт возьми, я запутался... Словом, будет один такой глобальный конец, но что-то тем не менее уцелеет.

И тут снова зазвонил телефон.

— У аппарата!

— У батареи, — ответил Новиков. Тот самый, мой приятель.

— Выспался?

— Типа того...

Значит, не очень, но и по фигу, скоро все будем спать долго, очень долго, возможно, даже вечно.

— Что там с помрежем?

— Ага, все-таки поверил в апокалипсис? — обрадовался я.

— Ни фига. Просто слово прикольное.

— Что в нем прикольного?

— Не знаю. Просто прикольное.

— Угу. Похоже на «помрешь»!

— Иди ты! — разозлился товарищ. — Юмор у тебя какой-то черный.

— Долбанный расист. Не черный, а афроамериканский. Вот только приедь в Африку, там тебя вмиг сожрут наши африканские товарищи и будут абсолютно правы.

— Сам ты расист. Либо разговариваем нормально, либо иди в пень!

В пень мне не очень-то хотелось. Пришлось согласиться на нормальный разговор, хотя с воспаленным мозгом это было не так-то просто.

— Ладно. Слушай, вот что я решил. С завтрашнего дня снимаем фильм. Это будет настоящая бомба, нереальный хит, Ларсу фон Триеру и не снилось с его «Меланхолией».

— Отличный план, — одобрил Новиков, — когда это ты успел написать сценарий?

— Сценарий? Какой сценарий?

— Фильма, дебил.

— Фильма «Дебил»? Я не знаю такого фильма.

— О боже...

— Не понял, а зачем мне сценарий? — спросил я чуть погодя.

— А кино ты как собираешься снимать?

— На камеру.

— А-а-а-а.

— А сценарий на фиг не нужен. Кто сейчас снимает по сценариям?

— Вообще-то все, — возразил Саня.

— Вот у них говно всякое и выходит, а мы не все. Мы снимем настоящий фильм.

— Амбициозно!

— Ты давай не подкалывай, лучше скажи, ты в деле или нет?

— Конечно я в деле! Всегда хотел кино заниматься.

Какие все киноманы, оказывается, куда ни плюнь, всюду кинорежиссеры ходят! Конечно, камеру держать — не мешки ворочать, можно и помечтать о кинокарьере. Вот сниму свой шедевр и никогда больше не буду делать кино. Надо быть brutальным, как Рой Андерссон, его темпами он так и не представит миру свой пятый фильм, а жаль.

Но что-то я отвлёкся. Речь же не о моей brutальности, а о грядущем конце чего-то.

Поболтав еще немного с Новиковым, мы договорились встретиться завтра и пойти за камерой к Сереге Заикину — нашему общему товарищу.

Разговор был закончен, я сделал первый шаг к фильму, и нужно было садиться выполнять заказ, а мне жутко не хотелось этого. Еще бы, все мысли были о предстоящем дне, я уже видел себя в нелепом наряде а-ля режиссер, бегающим по улице с горящими глазами и донимающим несчастных прохожих своими нелепыми вопросами: «Что ждать от конца света?», «В чем смысл

жизни?» и «Будет ли вам в небытии не хватать бренности бытия?» В моем представлении все складывалось замечательно, и я постоянно кричал: «Гениально!», «Отличный кадр», «Еще один дубль», «Снято». Красота! А тут какой-то жалкий логотип для никому не известной строительной фирмы. Суровая правда жизни.

Промучившись полтора часа, я родил что-то нелепое, нагло напоминающее совковый серп и молот, только в современной обработке. Шуроповерт и рулетка. Мне не очень нравилось то, что получилось, но я давно заметил: чем больше ты доволен своей работой, тем сильнее ее критикуют и заставляют переделывать, и наоборот, чем большее чувство стыда охватывает тебя за твой труд, тем меньше проблем возникает с его одобрением у заказчика. Будь на одном уровне с работодателем, не выпендривайся, и будет тебе счастье. А для себя делай как угодно. Вот еще одна умная мысль, рожденная моим не самым огромным на свете умом. Неплохо, да?

На этот раз я тоже не стал грузиться. Ну, фигня и фигня, лишь бы заплатили.

Отправив логотип на почту заказчика, я вернулся к просмотру видео и передач о грядущем апокалипсисе. Ученые с умным видом рассказывали о том, что может ожидать нашу планету, использовали какие-то сложные термины, показывали непонятные графики и все как один твердили, что выжить не удастся никому. Нет, чтобы вы поняли, что это на самом деле означает, писать нужно исключительно так: НИКОМУ — и говорить отрывисто, многозначительно и по слогам: НИ-КО-МУ.

Священники же, наоборот, утверждали, что календари майя и прочие пророчества — это чушь несусветная, верить нужно Библии, а в ней точной даты апокалипсиса и второго пришествия Христа нет и быть не может по одной простой причине: одному Богу известно, когда он придет и будет судить правых и неправых. Мажутся, конечно. Хотя их понять можно, они люди подневольные, им спорить с Библией не положено. Уверен, что

минимум парочка из них труханула при мысли о 21 декабря, но признаваться им, разумеется, нельзя.

Скоро мне все это надоело. Я направился к холодильнику, вынул из него последнее пиво и отметил про себя, что оно было вообще последним, что лежало в моей старом несчастном холодильнике.

«Ерунда, — успокоил я себя, — художник должен быть голодным». А я теперь художник, на! И выпил залпом всю бутылку.

Затрезвонил телефон. Ну кто там еще?

Звонил Новиков. Можно было бы и догадаться. Он теперь завелся больше меня.

— Чего тебе? — пробурчал я.

— Санчас, я тут подумал.

— Ты че, Платон что ли?

— Какой Платон?

— Философ, блин.

— А, нет, я не философ, — ответил Новиков.

— Вот и не фиг думать!

— Ты че злой-то такой?

— Да так. Жрать нечего. В холодильнике мышь повесилась.

— Ну так сожри мышь! — пошутил товарищ.

— Ха-ха! Щас кипятком буду писаться.

— А в кипятке мышку сварить, вот тебе и суп, — продолжал жечь Новиков.

— Да ты сегодня в ударе, Николай Валув.

— А по-моему, смешно, — возразил отжигающий.

— Мышь повесилась — это идиоматическое выражение.

— Сам ты идиот.

Помолчали.

— Ну и что ты там надумал?

— А. Так это, давай нашу студию «Сан Саныч» назовем.

— Какую студию?

— Таковую. Ну, по типу «Коламбия пикчерз» или «Ворнер бразерс». А у нас будет «Сан Саныч пикчерз».

— Нет у нас никакой студии и не будет! «Сан Саныч Пикчерз», блин.

— Ну, — расстроился Новиков, — без студии неинтересно. Я, блин, старался, название придумывал.

— Вот и зря старался. И название фиговенькое.

— Ниче не фиговенькое. Ты — Санчас, я — Санчас, вот тебе и Сан Саныч.

— Сан Саныч, вали спать!

— А студия?

— Завтра все обсудим, — сказал я и повесил трубку.

Ну Новиков, ну тип! Еще днем дрых себе спокойно и ни о чем не мечтал, а теперь уже придумывает название для нашей студии и рвется снимать чуть ли не активнее меня. Того и гляди он спихнет меня с должности режиссера и глазом не моргнет на вручении премии в Каннах. Будет заливать, что десять лет вынашивал идею своего фильма, что было невероятно трудно, но он со всем справился, поблагодарит маму и папу за то, что создали его и не утратили в него веру, и уйдет с «Пальмовой ветвью» под бурные аплодисменты зрителей и кинокритиков. А ведь это была моя мечта.

Повезло тебе, Сашенька! Родился в России, живешь с пустым холодильником, да еще и друг норовит лишить тебя мечты. Вот и верь после этого людям. Нужно что-то делать с активностью товарища.

С такой не особо радостной мыслью я лег и тут же заснул.

Утром мы встретились с Новиковым. Хотя утро — понятие относительное. Для нормальных людей уже давно началась вторая половина дня, а для нас с Новиковым шел лишь второй час от пробуждения. Саня был сильно взволнован.

— Здорово! — он прямо трясся от нетерпения.

— Здоров, — холодно поприветствовал его я.

— Я подумал...

— Опять подумал? — удивился я.

— Не язви. В общем, я решил, что «Сан Саныч», действительно, отстойное название.

— Первая разумная мысль за двадцать с лишним лет! — воскликнул я.

— Иди ты! Короче, тебе же нравятся фильмы про зомбаков?

— Ну не то чтобы прям до жути, но нравятся.

— Мне тоже. Вот и давай назовемся «Зомби пикчерз».

Я хотел сказать товарищу, что он кретин, но это не избавило бы от его приставучести, поэтому я посмотрел в его глаза и кивнул в знак согласия.

— Давай.

Новиков был очень рад.

И вот мы пришли к Заикину.

Сергея, как и большинство моих товарищей, не был мажором, хипстером или гламурным подонком. Обычный пацан с района.

Учился в технаре на технолога. Ну как учился — прогуливал все, что только можно, и нет ничего удивительного в том, что уже весной его загребли в армейку. Сергей не возражал, у него и мысли не возникло косить или ныкаться. Через три месяца он прислал фотку из учебки. На снимке он стоял среди своих боевых товарищей и казался вполне себе довольным человеком. Но вот потом произошло что-то, о чем Сергей никогда не рассказывал. Это что-то изменило его. После дембеля он потерял интерес ко всему, что есть на нашей нефигово такой большой планете.

Сергей пытался устроиться на работу, пытался замутить с девчонкой, пытался даже подсесть на наркоту, но все это ему быстро надоело. Мамаша у товарища дикая. Она не собиралась мириться с его депрессухой и выперла товарища из дома. Сергей даже не расстроился, настолько ему было по фигу.

Друзья для того и нужны, чтобы можно было у них перекантоваться. Вот Сергей и торчал у Антохи Дашевского. Того тоже одолевала депрессия. И вот однажды они смотрели футбол (играли «мясо» и «кони») и поспорили на сотыгу. Антоха поставил на

«коней», а Серега — на «мясо» и выиграл. И тут ему пришла в голову идея: сыграть на тотализаторе, так сказать, попробовать свои силы. Он и попробовал — и снова выиграл.

Так и понеслось у человека. Он занял у Антохи косарь, еще косарь у Новикова, два у меня и треху у мамыши. После того как Серега свалил, матрена стала мягче и без напрягов тусанула ему бабло. Это я тоже заметил: стоит тебе откуда-нибудь свалить и пропасть на какое-то время, тебя все резко начинают любить и даже прощают косяки, какими бы мощными они ни были.

В общем, Серега собрал эти семь косарей и понес в букмекерскую контору. Пипец мне было бы очково, но Серега не я, он рискнул и не проиграл. С семи косарей он поднял еще четыре. Новичкам типа везет. А ему фартило по полной. Вскоре он уже съехал на съемную хату и греб в месяц как менеджер среднего звена, при том, что ни черта не работал и имел столько свободного времени, сколько тем же самым менеджерам и не снилось.

Я откровенно завидовал товарищу. О такой жизни можно только мечтать. Но, после того, как я продул несколько, как казалось, стопроцентных ставок, понял, что такой вид заработка далеко не для всех. Типа то, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Кто-то умный сказал, а я повторяю.

Серега же вернул себе интерес к жизни и покупал, как ненормальный, телефоны, ноутбуки, айподы, игровые приставки и прочие продукты технического прогресса. Среди них была и камера, которую мы с Новиковым собирались одолжить.

Но все не так просто. Жизнь — она полосатая, знаете ли. Как тюремная роба или как матрас. Однажды везение улетучилось, и Серега начал продывать ставку за ставкой. Облом за обломом. Как будто прокляли его. Он не мог понять, что происходит, и с отчаянием делал все новые и новые ставки. Но каждый раз итог был одинаковым. Проигрыш. И еще один, и еще, и еще, и еще много неудач. Ему бы затаиться, переждать полосу невезения, а он, бедолага, не мог остановиться. Азарт как наркотик, даже

хуже. Когда выигрываешь, кажется, что это будет длиться вечно. Вот и Серега, разбалованный удачей, просто-напросто потерял над собой контроль. Дошло до того, что он распродал все свои гаджеты по самой нелепой цене, которую только можно представить, и все равно не смог притянуть удачу на свою сторону.

К счастью, он попал в больницу. К счастью, потому что, во-первых, он не успел влезть в долги и откровенно встрять, а во-вторых, его увезли с аппендицитом, а это, считай, что на курорт попал, лежи себе да отдыхай, это не инфаркт и не язва. А от нервов могло что и покруче образоваться.

И так Серега лежал да размышлял: продавать ли ему камеру — последнюю дорогую вещь, оставшуюся в его владении. Он никогда ничего не снимал на нее, но почему-то камера была ему дорога. Может, из-за цены, может, потому что отлично смотрелась в его руке, может, еще почему — это истории неизвестно. Главное, что Серега решил не продавать камеру, а десять дней, которые он провел в больнице, пошли ему на пользу. Черная полоса отступила, и ему снова стало везти, правда, иногда, вернее, не всякий раз.

Мы стояли перед дверью. Я нажал на кнопку звонка. Раздалась раздражительная трель. Не знаю как вас, а меня эти дверные звонки жуть как бесят. Главное, звучат одинаково. У всех, кому ни позвони.

Серега не открывал. Любит он подрыхнуть почище нашего.

— Вот хлыщ! — выругался Новиков. — К нему товарищи пришли, а он дрыхнет.

— Ага! — согласился я и снова нажал на звонок, скривился, даже заткнул уши, но дверь никто не открыл. — Может, на мобилу позвонить?

— Какая мобила? — воскликнул товарищ. — Это же Заикин, он уже сто лет без трубы ходит.

— Точняк.

— Если только уперся куда.

— Не смейся меня! — возразил уже я. — Раньше семи вечера Серега из дома не вылезит.

— Ну да. И че будем делать?

— Звонить.

Я в третий раз приложился к звонку. Тот гремел своей отвратительной трелью, и от этого становилось еще неприятнее. Вдруг дверь приоткрылась, и мы увидели товарища. Он был в халате, с пеной на груди и ногах и с мокрыми волосами.

— Серега! — обрадовался Новиков. — Здорово! А мы думали, ты дрыхнешь.

— Моюсь я! — буркнул товарищ. — Недельку воды не было. Только залез, щас, думаю, понежусь, откисать буду. Понежился, блин!

— Извини, — сказал я, — мы ж не знали.

— Че приперлись-то?

— Так это, по делу.

— По делу... — проворчал Серега, — ладно, заваливайте!

Мы вошли.

— Прикольный халатик, — оценил Новиков, — где взял?

— Матрена подогнала.

Серега уселся в кресло. Пена шипела и лопалась на его волосатой груди.

— Надо тоже будет себе такой взять! — решил Новиков.

— Так че за дело?

— Серег, будь другом, одолжи камеру.

— Не могу, — покачал головой Серега.

— Да ты че, — возмутился Саня, — мы кино хотим снимать. Тебе че, жалко товарищам помочь?

— Мне не жалко, пацаны, я же вас уважаю, только не могу — она в ломбарде.

— Блин! — расстроился я.

Я и забыл, что с недавних пор Серега стал закладывать камеру в ломбард. Схема, конечно, рискованная, но в целом прибыльная. А деньги всегда предполагают большую долю риска.

В общем, Серега сдает камеру, получает бабло, идет в контору и делает ставочки. Выигрыш идет на то, чтобы выкупить камеру, плюс остается немного бабла, на которые Серега живет: питается, платит за хату и тратит по мелочам. Если Серега продувает, то занимает у товарищей или мамыши, отыгрывается, выкупает камеру, рассчитывается с долгами, а потом снова закладывает камеру. Если же проигрывает, то снова идет к друзьям, занимает бабло и дальше по вышеописанной схеме. Правда, только однажды ему пришлось одалживаться целых три раза подряд, обычно все обходится закладыванием камеры и последующим за этим выигрышем.

— «Барса» — «Реал»! — пояснил Серега. — По-любому надо было ставить.

— На кого? — спросил Новиков.

— На «Барсу», конечно! «Реал» в этом сезоне никакущий.

И Саня с Серегой стали живо обсуждать испанский чемпионат. Новиков размахивал руками, пытаясь убедить товарища в том, что «Реал» непременно настроится как надо и выдаст лучший матч в сезоне. На что Заикин выдал надменное «ха», любой настрой «Реала» будет сокрушен мощной стеной атаки легендарных каталонцев. Пацаны завели старую песню, кто лучше: Месси или Роналду? Но каждый остался при своем мнении. А я немного расстроился, я пытался понять, что вселенная хочет мне сказать. Ведь неспроста съемки фильма начались с трудностей. Но что это значит? Я должен на все забить, и пусть мечта остается мечтой. Или наоборот? Несмотря на любые трудности, а их, надо думать, будет еще немало, я должен быть твердым как скала и не отступать от своего решения. Вот фиг его знает. С этим надо было разобраться.

— Ну так что, — прервал мои размышления Новиков, — остаемся до вечера?

— До вечера?

— Ну да. Посмотрим матч с Серегой. Все равно раньше, чем завтра, камера нам не светит.

Только сейчас я заметил, что Заикин вернулся в ванную, и мы остались в комнате вдвоем с товарищем.

— Давай, — согласился я. Настроение у меня было паршивое.

— Тогда поперли.

— Куда?

— Ты че, в облаках витаешь, что ли? За пивом, конечно, мы же с Серегой только что обсудили это.

— А. Понятно. Я правда повитал немного.

— Чкалов.

Мы затоварились пивчанским и стали ждать начала матча. Новиков рассказывал Сереге о нашем фильме.

— А как называется?

— Да пока хэзэ. У нас даже сценария нет.

— А че так?

— Да Саня у нас типа прогрессивный режиссер, ему сценарии на фиг не нужны.

— Понятно.

— Может, хочешь к нам в команду?

— Кем?

— Ну, не знаю. Примером там или художником. Сань, кто еще нам нужен?

— Никто, — огрызнулся я. — У нас даже камеры нет.

— Утром будет! — успокоил Заикин.

— Ну, короче, потом решим, — сказал Новиков. — Будем называться «Зомби пикчерз», как тебе?

— Прикольно! — оценил Серега. — Так, может, про зомбаков че-нить и снимем. По типу «Операции «Мертвый снег»» или «Ночь живых мертвецов».

— Почему нет? — вдохновился Саня.

— Так, стоп! — сказал я.

Нет, ну это надо? Моя мечта, мой фильм, а они уже решают, что снимать будут.

— Режиссер — я. А значит, я главный и решаю, что мы будем снимать, когда и как. И нужен или не нужен нам сценарий, тоже я решаю. И кто будет главным персонажем, и кто гримером будет, и как студия наша будет называться, и кого мы будем снимать, а кого нет, и еще...

— Да понятно, что все будешь ты решать, — перебил меня Серега. Типа ты бугор.

— Нет, типа он тиран, — пояснил Саня.

— Да ну вас в баню.

Но обидеться я не успел. Поистине пиво творит чудеса. Через час мы уже наклюкались и ржали как жеребцы. Новиков рассказывал тупые анекдоты и показывал уморительные пантомимы. Не знал даже, что товарищ такой талантливый. Под впечатлением от показа я предложил ему покривляться на премьере нашего фильма. Саня тут же вдохновился.

— А че, прикольно! Я еще фрак напрокат возьму бирюзовый, как у Джима Керри в «Тупой и еще тупее». Или у него был оранжевый?

Никто из нас не помнил, какого цвета фрак носил Джим Керри, но мы не стали грузиться по этому поводу. Куда приятней было помечтать о премьере. Мы придумали, что выйдем на сцену под музыку из «Бумера», ну ту, финальная которая; на экране будет идти видео с извержением вулкана; в зале темно, как в пещере; и вся съемочная группа будет кричать: «Димо-о-о-о-он!» — но вместо Димона выйдет Новиков и начнет свои пантомимы. Вот такая фиготень.

Вообще это вполне по-русски: не закончив дело, начать представлять, какой фурор это дело произведет. Или так: купить лотерейный билет и за неделю до розыгрыша с точностью до последней копейки распределить свой выигрыш. Ну разве можно проиграть? Да никогда, билет же на руках. Вот и Заикин уже твердо знал, на что потратит выигрыш на тотализаторе. А мы распланировали презентацию фильма.

Нужно сказать, что матч складывался для Сереги вполне удачно. «Барса» забила первой. Заикин ликовал, глядя на Новикова, мол, съел, чувачок? Сказал же, что «Барса» на коне! Но и Саня не унывал. Он верил в «Реал», и тот не подвел. На гол Месси шикарнейшим мячом ответил (кто бы вы думали?), разумеется, Роналду. Вообще весь матч походил скорее на поединок двух футбольных звезд, нежели на битву вечно соперничающих клубов.

Мы орали как угорелые, но каждый болел за свое. Я, например, за красивый футбол. И мои ожидания вполне оправдывались.

Первый тайм так и закончился ничьей.

— Ниче, ниче, — сказал Серега, ставя на пол очередную пустую бутылку, — мы еще порвем вас как Тузик грелку. Ща Лионель наколотит вам так что мама не горюй!

— Да ни фига! — возразил Новиков. — Криштиану сегодня хорош. Он положит на лопатки вашего аргентинского вундеркинда.

Еще бы немного, и они подрались. К счастью, перерыв пролетел так же быстро, как выступление нашей сборной на чемпионате Европы в Польше и Украине.

— Понеслась! — подытожил Заикин и присосался к бутылке.

Забегая вперед, скажу, что тайм оказался богатым на события. Уже на 48-ой минуте, прорвав насквозь оборону соперника, Роналду ворвался в штрафную и точным ударом в левую девятку вывел королевский клуб вперед.

Серега от злости рвал на себе волосы, зато Саня сиял, как «мерин» с конвейера. Кретин! Поражение «Барсы» лишало нас камеры. Но ему было не до того. Новиков пытался придумать, как бы оригинальнее поглумиться над товарищем. По выражению лица было видно, как усиленно работает его мозг. Но поглумиться у Сани не получилось — уже в следующей атаке Иньеста вывел Месси один на один с вратарем «Реала». А Лионель, как известно, такие шансы не упускает.

На табло красовался счет 2:2, и игра пошла, как говорится, на встречных курсах. Жарко было в штрафных то одной, то

Литературно-художественное издание

Александр Тюжин

КАННЫ ДЛЯ ВАННЫ

Роман

*В книге сохранены особенности
авторской орфографии и пунктуации*

На обложке использованы иллюстрации:
donatas1205 / shutterstock.com, Renisons / shutterstock.com,
O.PASH / shutterstock.com, CoolPhotoGirl / shutterstock.com,
Используется по лицензии от shutterstock.com

Редактор Б. Геласимов
Корректор А. Калинин
Компьютерная верстка Е. Климентьева
Художник А. Геласимова

Подписано в печать 08.06.2020. Формат 60×90/16
Печ. л. 18. Гарнитура «Alegreya».
Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1
www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru
тел.: +7 (985) 8000 366

Александр Тюжин родился и вырос в городе Оренбург. В 2006 году окончил Оренбургское Областное Училище Культуры (ООУК), специальность — «театральное творчество». В 2011 году окончил ВГИК, специальность — «кинодраматургия». Печатался в журналах «Нева», «День и Ночь», «Современная драматургия», сборниках «Восемь», «Перовестник» и др. Автор романа «О чем молчат твои киты», вышедшего в серии «Ковчег».

Апокалипсис? Сказки. Даже если дата назначена, все равно не случится. Подумаешь, предсказание. Так считают многие. А вот если твой день рождения совпадает с днем конца света, уже как минимум неприятно. Согласны? Вот и начинаешь размышлять о смысле жизни. Успел ли ты сделать что-то великое, хотя бы просто достойное? Разумеется, нет. Вакцину от рака не изобрел, олимпийское золото не получил, экспедицию на Марс не организовал, и таких «не» наберется целая куча. А тут еще и полка пуста, а на ней могла бы красоваться «Пальмовая ветвь» Каннского кинофестиваля.

Решено. Снимаем фильм. Команда собрана, сценария не будет — прогрессивные режиссеры полагаются на вдохновение. Герой найден, дело за малым. Но что-то, как говорится, пошло не так. Вполне безобидные съемки красивой истории любви превратились в настоящее приключение с неожиданным финалом. Каким?

Не ждите спойлеров. Их не будет!

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907085-76-3

9 785907 085763

